

Шостакович Дмитрий
(пресловуто)

10.01.07.

МУЗЫКА

Драма смерти на фоне эпохи

В БЗК завершился Фестиваль Дмитрия Шостаковича

Право сыграть финальный аккорд в этом четырехмесячном марафоне, организованном Московской филармонией, было отдано Валерию Гергиеву и оркестру Мариинского театра. Гергиев продирижировал Одиннадцатой и Четырнадцатой симфониями, объединенными темой смерти. В концерте они прозвучали в обратной хронологической последовательности. Вначале камерная по составу Четырнадцатая, созданная в 1969 году.

Пожалуй, прежде всего имеет смысл оценить работу солистов – сопрано Ольги Сергеевой и баса Михаила Петренко. Их роль в этой симфонии-кантате – ведущая. И если в технологическом плане к ним особых претензий не было, то в художественном отношении их интерпретация музыки Шостаковича не стала потрясением. Как-то слишком спокойно, почти эпически они вели повествование, отстраняясь от личного соучастия в поединке со смертью. Примерно та же картина наблюдалась и в игре оркестра. Маленький состав (19 струнных и большая группа ударных) требовал от дирижера тщательной детальной проработки партитуры и, главное, четкого исполнительского

плана, касающегося распределения контрастов, кульминационных зон и т.д. Здесь далеко не все выглядело убедительно, и, главное, не получились конец симфонии, где автор предлагает, между прочим, нюанс три (!) форте. Ни певцы, ни оркестр не взяли этот барьер, и течение музыки оборвалось на полуслове.

Во втором отделении картина заметно изменилась, и Одиннадцатая симфония (1957 год) прозвучала победоносно, на едином дыхании. Конечно, это сочинение совсем иного характера, более внешнее по выразительным средствам. Тем не менее, рассматривая ее на расстоянии почти 50 лет с момента создания, понимаешь, что симфония сопоставима с шекспировскими хрониками. События 1905 года, о которых повествует ее программа, опора на тематизм революционных песен позволили композитору, а вслед за ним и маэстро Гергиеву воссоздать настоящую драму. Вероятно, общечеловеческий пафос оказался в данном случае дирижеру ближе личностных переживаний Четырнадцатой симфонии.

В Одиннадцатой симфонии чувствовался нерв, от Гергиева шла сверх-

энергетика, и, в свою очередь, музыканты играли с максимальной отдачей, а в разработке второй части – “9 января” – мощь децибелов даже зашкаливала, настолько яростно скандировал оркестр. Далее в той же части очень хорошо прозвучала и знаменитая тема “Дворцовой площади” с ее нарочитой холодностью и “разреженным” звучанием. Тут она обрела потусторонний характер, словно символизируя собой образ Петербурга, города призрачного и фантастического, каким его видели многие русские литераторы.

И уже совсем не по-революционному вышла “Варшавянка” в финальной части (“Набат”) симфонии. Саркастичные, колкие интонации – именно так услышал ее Валерий Гергиев, решительно перечеркнув традиционные аллюзии противостояния буржуазии и пролетариата. Такая концепция симфонии, где цитаты предстают очищенными от своего первоначального контекста, хорошо вписываются в тенденцию самого Гергиева ставить музыку Шостаковича вне политики, отыскивать и “вытягивать” на первый план ее вневременные смыслы.

Евгения КРИВИЦКАЯ

Ученый группа - 2006 - 2007 - 28
Фев. - 10.01.07. - 10.01.07. - 10.01.07.

ISSN 1542-0370